

ПАОЛА УРУШАДЗЕ

СЫГРАЕМ, ОСЕНЬ...

СТИХОТВОРЕНИЯ

Тбилиси
2011

ISBN

738 (UDC)

© Паола Урушадзе. Сыграем, Осень... 2011 г.

Тебе, Тбилиси-Тифлисъ...

Старый подъезд

Пробило семь... а солнце все печет...
и старый дом на том же старом месте,
такой же, как тогда... и время не течет,
и тот же – вечный – полумрак в подъезде.

Забуть о лете, о жаре, – в леток!
Ты на лету с себя срываешь город,
и сразу же знакомый холодок,
смеясь, ледок тебе сует за ворот
и пробирает – мигом – до костей,
и ты бежишь на голоса гостей
(там кто-то дверь тебе уже открыл),
и ты бежишь, не трогая перил,
и где-то, у последнего витка,
опять спускаешь душу с поводка...
в один прыжок – она уже под сенью
родного потолка – бездумна и легка, –
и дольше века длится воскресенье,
и впереди – века... века... века...

2004-2010

Варианты Осени

1

Давай с тобой сыграем, Осень,
сыграем без единой взятки...
Начнем
и, не спеша, отбросим
от двух столетий – по десятке...
А лучше сразу же полвека,
не мелочась,
отбросим, Осень, –
дорога... пасека... засека...
А это значит – для разбега
у нас опять
полмира, Осень.
Осиный рой, как хор несметный,
гудит о том, что мы бессмертны,
почти о том же
шепот сосен...
А всадник в башлыке абрека
о чем-то нам кричит с Казбека.
О чем?..
Потом его спросим.
А жеребенок годовалый
(его еще не подковали)
босой резвится на покосе...

Куда же ты уходишь, Осень?!
Ведь впереди еще полмира:
Эдем!.. Аркадия!.. Пальмира!..

2

По палым листьям, как по снегу,
по палым листьям, как по воску,
из леса выкати телегу,
а лучше – легкую повозку
подай, и не проси отчета:
куда? зачем? какого черта
решила я предаться бегу...
Не задавай вопросов, Осень,
начни, начни свою работу –
сбивай по месяцу, по году,
смывай дождем... а первым смой
тот год...
две тысячи восьмой.

3

Что смотришь дикими глазами?!
За все, что вытворяет ветер
С садами, крышами, лесами,
Другие осени в ответе...
Они тут разберутся. Сами.

Все утрясется... А пока мы
Займемся небом... облаками!
Смотри, какие тела им
Он нагулял – все тот же ветер.
Он там почти неосязаем.
Он только здесь, срываясь с петель,
Творит не ведая, бездумно,
А там – бескровно и бесшумно
И только то, о чем веками
Он на земле всего лишь грезил.
Он и земля – коса и камень,

А там он горд, а там он весел,
А там из белопенных чресел –
Неиссякаемых, бездонных –
К нему несутся косяками
Младенцы, агнцы, купидоны,
Слегка посверкивая глянцем,
К нему – земному оборванцу! –
Чтоб покачал их на ладони...
И он качает их, лаская,
И отпускает в небо с миром.
Ему все небо – мастерская,
Где он творит своих кумиров –
Своих богов, своих героев,
Своих кентавров и лапифов:
И тех, что здесь встречал порою,
И тех, что вычитал из мифов...
И если он земле обуза,
Ответчик, а она истица, –
Там на плечо к нему, как птица,
Слетает муза
(Два профиля на фоне дали,
Как на медали...).

Вообрази: в берете, в блузе,
И по колено в белой лаве
Он приготовился к облаве
На облака. Он веки сузил...
А это значит?... Это значит,
Он скоро все переиначит
И переставит, как в музее,
И мы с тобой не зря глазеем...
Смотри! Он начал!

Один –
авралом,
как при шторме,
Законопатил швы и бреши.
Он на большой помешан форме...
Хотя и в малой он успешен.

Как четко проступила группа
Вон там, в углу, на синей плечи...
Смешал он всадников и пеших...
Пока все начерно, все грубо,
Пока... но он уже закончил.
Какая зрелая работа!
И, судя по цепочке гончих,
Это не битва, а охота.
А битва – там, слегка далече:
Фрагмент какой-то странной сечи.
Там и египетский возничий...
Там и возничий из Эллады...
Там даже есть кусок из Зичи, –
Не тот – с коробки шоколада,
А тот, где три названных брата
Внезапной радуются встрече...

От всех столетий по сюжету!
Не зря он странствовал по свету,
Неугомонный...
Там даже мы (в порядке бреда)
В отделе римского портрета,
У той колонны...

Конечно, есть и неудачи,
Есть и провалы, даже – срывы:
Тот белый клочок похож на клячу,

Тот – на медузу в час отлива...
А как иначе?

Но где же все леса, все тросы,
Где ярусы, мостки, террасы?!
Что за нелепые вопросы!
Давно ты не смотрела в небо,
Признайся, Осень...

А стоит, стоит приглядеться –
Все это вправду... все от сердца.
А сколько драм, а сколько встреч там...
Смотри – вон там, где свет порезче,
Он из почти готовой вещи
Творит невиданное...
Нечто!..
И будет, будет, чем гордиться
Всей этой сини...
И муза на плече, как птица.
Сирена?.. Сирин?..

4

Прекрасно начал,
Кончил крахом,
Не с молотка пошло, а прахом
Все, что слепил он для показа
Почти вселенского размаха.
Всё разметал, всё искалечил.
Смотри, от той античной вазы
В живых остались только плечи...
Но их он тоже смял и скомкал,
Бурча негромко: «Шиш потомкам»...

Чтоб миг спустя опять развлечь нас
Игрою в вечность...

5

Все та же крошечная площадь,
Но победнее и попроще –
Кремлёк, ларёк, пустые баки...
А рядом с баками собаки
Кромсают старую галошу,
А местные – коза и лошадь –
Стоят и смотрят, как зеваки...

У лошади косая челка,
И тени синие на веках,
И взгляд, почти как у девчонки,
У той – из середины века...

А ты не стой без дела, Осень!
Очнись, ударься грудью оземь,
Богатой встань, тряхни мощной,
Осыпь червонцами округу,
А еще лучше – стань княжной,
Той, деревенскою... смешной,
И по-лебяжьки выгни руку...

В толпе идущих с именин
И не желающих расстаться –
Обрывком огненного танца
Просемени...
Просемени...

Коджори, 2009

* * *

*Не случайно, не случайно
Жизнь подбрасывала книги...*

...Даже те, что мне достались
(С подорожными) от предков,
Те, в которых дед под старость
Делал странные пометки
В виде сердца и креста,
Уцелели... неспроста...

Даже тот – из высшей касты –
Старый том (без первой части),
Очень старый, очень редкий,
Продираясь сквозь напасти,
Сам нашел меня по метке –
Полустертой – на запястье...

Томик в синем коленкоре
Тоже где-то мыкал горе,
Да и тот – в холстине грубой –
Прозябал в сырой халупе
(Кое-где страницы слиплись,
Но имеется экслибрис,
Еле видимый – под лупой)...
Я нашла их на развале,
Благо, сами подозвали...

Все, как дети, все от Бога,
Хорошо, когда их много...

И не надо их считать –
Пусть текут себе потоком, –
Возле дома, у порога
Нет ни дамбы, ни щита...
Как в театре – перед рампой –
Выступает в свете лампы
Весь их блеск... и нищета.

А когда меня не станет,
Кто-то плотно сдвинет ставни,
И никто не потревожит
Даже взглядом... невзначай
Корешков, страниц, обложек...

(Чтобы их убить, не надо
Ни огня, ни палача...)

Стой, прислушайся, прохожий,
То не вой бездомных кошек, –
Книги плачут по ночам...
Что-то чувят
Сердцем... кожей.

2008

Тутанхамон

Глупо спрашивать у мумий,
как он жил и как он умер,
и с учеными не спорьте, –
ведь у них, как в том кроссворде,
что решал один простак,
всё сошлось... да всё не так...

Древний мир стоит, как крепость.
На фасаде тот же ребус:
кошки... птицы... люди в лодках...
Там воюют, тут хоронят,
фараон сидит на троне,
неподвижно, как в колодках.

Серп и молот... Жезл и скипетр –
все пути ведут в Египет,
все сюжеты... но в картушах
имена лишь, а не души...
А без душ – одни потемки!
И гадай себе о том, как
жили-были... не тужили...
о любви и о коварстве
в Древнем царстве...
в Среднем царстве...

Тихо входит ночь в бахилах,
и опять Шекспир с Эсхилом

зашептали, на ночь глядя:
– Может быть, все дело в дяде,
в яде дело, может быть?..
– Может быть... и даже очень...
и Офелии веночек –
из увядших анемонов
на груди Тутанхамона –
это м о ж е т подтвердить...

2008

Театр

Париж в золотых тельцах, в дельцах...
Б. Пастернак. “Бальзак”

Из мрака закулисного
век просквозив, как стéну,
дельцы, купцы и присные
перехватили сцену...

Не те – с тугими нервами,
с вельможами по-свойски,
а те, что в город первыми
влетают вслед за войском
ликующей оравой...
При каждом – по ранжиру –
солененькой приправой
лакеи и транжиры.

Менялы настоящие
и мытари – не полые, –
шуршащие, хрустящие,
звонящие оболками,
все добела отмытые,
идут за ними свитою...

Идут толпой веселой,
И будет век им сыто,
Расшитые камзолы
Берут из реквизита.

А вслед массовой плотною
встают и валят тыщами
с сумою переметною
убогие и нищие...

1995

Городу

Откуда гром? Откуда град?
Ты хочешь знать, кто виноват –
Дракон или Кашей?..
А мне важнее во сто крат:
Куда? В какую щель
Ушли – под этот адский треск –
Твой азиатский аромат?
Твой европейский блеск?
И почему он вдруг умолк –
Тот легкий уличный шумок?
И отчего, почти за час,
По-одному, сквозь тайный лаз
Ушли и люди –
Те, кто знал,
Какой была твоя весна,
И где она – твоя казна,
Твой золотой запас?..

Молчишь?.. Не знаешь.
Ну, и пусть!
Да я и так – вслепую –
Тебе сыграю – наизусть –
Твою весну... люблю!

Любой твой дом, любой твой сад,
Всего тебя – сто лет назад –
Могу прочесть, закрыв глаза...

Молчишь... Твой околоток пуст,
Дворы твои глухи...
И так светло под эту грусть
Идут, идут стихи...

2007

* * *

Кто-то в разгар поминального пира
Голос свой пробует – слышен ли в гаме?
А кто-то все ставит и ставит Шекспира,
Чаще всего – это Лир... или Гамлет?

А эти, а эти, совсем уж отпетые,
Тихие, бледные, плохо одетые –
Эти упрямо, в любую погоду
Заняты тем, что спасают породу:

Мальчика с бабочкой...

Девочку с бантом...

Спасают не пищей, белками богатой,
Спасают пластинкой с поблекшим бельканто,
Спасают травую, рекою, закатом
И учат, как ямб отличать от хоря...
А мимо плывет, как последний корабль,
Город, который дарил, не жалея...
И сам же ограбил.

2009

Из цикла “На книжных развалах”

* * *

Думают: если вдруг быть беде,
Что будет с ними, без нас... потом...
Книги теперь отдают, как детей,
В более сытый и радостный дом.

Родная! Там будет тебе хорошо –
Тот дом и светлей, и краше.
Дай-ка, поправлю тебе корешок...
Дай-ка, обложку приглажу...

2007

Из цикла “Город в городе”

* * *

Тот душистый, тот вечерний –
Золотой с узорной чернью,
С легким шелестом речей,
С мерным шарканьем по плитам –
Тот, порхающий над бытом,
Город бедных богачей –

Вечный город, вечно пьяных
От вина, воды и соков,
Город звуков фортепьянных,
Выбегающих из окон,
Разодетый, как к премьере,
И в посаде, и на Вере...

Для того, кто его слышит,
Еще дышит.

Еще дышит...

2007

* * *

*Кушак потуже затянув,
Казенный прихватив сотейник,
Мне книги так и не вернув,
Ушел из города Затейник...*

А ведь, бывало, только свистни,
Бывало, только позови,
И он – бессменный массовик –
Уже витийствует на тризне.

Всегда и всюду попевал –
То хоронил, то правил бал,
То тихо звякал бубенцами...
На той неделе он пропал,
Бесследно канул. Весь. С концами.

А зря... Новейшие Аттилы
Ему бы золотом платили...
Не то, что мы...
Не в этом суть...
Ушел из города Затейник,
Отправился в далекий путь,
Не из-за денег...
Нет...
Отнюдь...

2008

* * *

Загонит скука, и тоска заест, –
нет никого из прошлого потока...
о чем-то вразнобой стрекочет у порога –
как в Доме творчества – очередной заезд.

Знакомых нет... но пристань и прибор
тебя волной приветствуют при встрече
и на другом – уже чужом – наречье
пытаются поговорить с тобой...

Тень от листвы и солнечные пятна –
те тоже говорят,
и тоже непонятно...

Невнятен мир... но нечего грешить –
невнятен мир, но ты еще не в нетях,
ты на свету, ты все еще на свете,
и более того:
тебе дано пожить
на том же пяточке,
как на другой
планете...

2008

* * *

На суденышке, на утлом
Плыли с ветром мы попутным,
Без помех, как на корвете,
Прямо в рай, но этот ветер
Все напутал...
Donnerwetter!
Сами тоже хороши!
Как могли мы не заметить,
Что не те нам звезды светят!
Размечтались тут – в тиши!

Капитан чадит на ладан,
Боцман латан-перелатан,
И вдобавок кок-расстрига,
Чтобы не было забот,
Все поваренные книги
Разом выбросил за борт,
И несет, несет нас черт
Прямо в пекло, прямо в порт.

Что с того, что порт богат?
Снова в город?! Снова в ад?
Не за этимплыли вдаль мы...
Обещали остров с пальмой!
Поворачивай назад!

Ничего от них не надо,
На носу у нас Паллада
(Боевая наша ростра!), –

Мы себе добудем остров!
Ну, а если не найдем,
Чем суденышко не дом?
Чем каюты не палаты?..
Ну, а с ветром мы поладим –
Да и чем он страшен, ветер?
Мы поладим даже с этим
Окаянным,
Вечно пьяным
Океаном. Океаном...

2008

Лишняя строка

Отрезанная от стиха
И в глухомань черновика
Упрятанная на века,
Подальше от досужих глаз,
Почти мертва, почти труха,
Ты вдруг очнулась и зажглась...
И перекинулся к душе
Твой огонек,
 и вот, уже,
Зашевелился новый стих...
Он слаб, он мал, почти без слов,
Но там – в душе – уже готов
Его расклад –
 ...от сих до сих...

2008

Верийский базар

Такой же восточный и пышный?
Такой же пахучий и пестрый?
Как весело, память, как хищно
Ты раздуваешь ноздри!
Обнюхай его, обрыскай –
Он – прежний? Он – наш? Верийский?
На ошупь – на слух – на пробу?
А впрочем, не надо ответа –
Еловая лапка укропа
Пахнет свежо и остро...
И долго еще... до рассвета
Мы будем едины, как сестры –
Сиамские сестры в утробе
Давно отшумевшего лета...

2007

Паук

Ранним утром, на заре,
На невидимом шнуре,
На шнуре с большим запасом,
Надо мной паук завис
Ватерпасом...

С виду прост, на спинке крест.
Может, не из этих мест?
Может, послан кем-то свыше –
Кто-то хочет там услышать
Обо мне благую весть:
“Все в порядке, Ваша честь,
Ясно и без ставки очной –
Тот же сдвиг на датской почве,
Тот же старый детский бред –
Связь времен на Верхней Вере, –
Перемен особых нет...
Крен все тот же –
Я проверил...”

Отстучал свое и замер,
Лапки подобрал и млеет –
Исподлобья муху клеит
Подобревшими глазами...

2009

Из цикла «Финалы»

...Все ясней и ближе дали,
И дорожка межевая...
Все, что книги нагадали,
Оживает... оживает –
Не видением, не бликом,
Не во сне, а во плоти –
В чьих-то лицах, в чьих-то ликах,
В чьих-то шепотах и криках:
“А теперь, давай,
плати!”

* * *

...Чуши отъявленной не городите:
Мол, время, мол, старость,
Мол, что с нами случилось...
А просто представьте: вы снова стоите
У зеркала смеха в пустом Муштаиде, –
Смешно вам и странно, но знаете точно:
Все это – неправда,
Все это – нарочно...

* * *

...Что за крики за оградой?
Там кому-то явно рады...
Добрый шум... Не от него ли
Сад очнулся от неволи?
Даже слива разогнулась,
И черешня – заодно...

Слушай, выгляни в окно,
Может, молодость вернулась?!

* * *

...То вдруг – реверс,
То вдруг – аверс,
А теперь ребром вдруг встала...
Жизнь! От вечных твоих каверз
Я устала...
Я устала...

...Но как ветер дальних странствий,
Все сильнее с каждым годом
Ощущение пространства –
За последним поворотом...

* * *

...Ах, как быстро расходуется осень –
По деревьям, оврагам, откосам,
Сколько надо успеть до зимы,
Чтоб весной не дойти до сумы...
Только я за минувшее лето
Так в себе раздразнила поэта,
Что попробуй теперь,
уйми...

* * *

...Заранее открою тебе карты:
Снег выпадет, как в детстве, – в январе,
И тихо затаится во дворе –
Такой же, как тогда...
Не тающий до марта...

* * *

...Слезу незваную утри,
Прости обиды,
Они не знают, что у нас внутри,
Чем мы набиты...

Да и зачем им это знать,
Да и зачем им зря гадать
(Таким колючим):
Когда и с кем был уговор?
Кто нас завёл... и у кого
Хранится ключик?

* * *

...Придут и всё тут поменяют,
Разворотят киркой и ломом, —
Какое дело до меня им...
До чьей-то грусти по былому...

* * *

...Перед домом дерево срубили...
— Ну, срубили... экая беда...
— Перед домом дерево убили!
Дерево убили...
На-всег-да.

* * *

...Я на койке? Я в постели?
Дом ли это? Госпиталь?
Ноги целы... руки целы...
Слава тебе, Господи...

В страхе – тихо – не дыша:
А душа! Жива душа?!..

* * *

...Чтобы тоска жила века,
Боль не пропала даром –
«Хранить не в полости мехов,
А только в емкости стихов...»
Да и надежнее пока
Не выдуманно тары...

* * *

...Все это очень хорошо...
Но еще лучше, мой дружок,
Отдав Всевышнему должок,
Поставить чашечку на блюдце,
Опять перечитать стишок
И сигаретой затянуться
В последний раз – на посошок...
Уйти в себя...
И не вернуться.

2004-2010

* * *

Человек отошел на тот свет,
За собою не выключив свет,
Навязавшийся с детства мотив
До конца так и не раскрутив,
И не зная, что жизнь тщета –
Маета... суета сует...
И идут, и идут счета
К человеку, которого нет...

Тихо щелкнул дверной щиток –
И влетают, как пчелы в леток:
Пара писем, открыток чета,
А за ними – счета... счета...

Это сколько же он задолжал
Маете, суете, миражам?!
Это сколько же он обещал
Перевалам... закатам... вещам?!

2009

* * *

Когда одна бродячая душа
Встречается с другой – бездомной и бродячей –
В забитой досками, людьми забытой даче
Или в тени лесного шалаша,
А то и вовсе – под открытом небом,
То делятся они отнюдь не хлебом,
Не связками сушеных слив и груш,
Не адресами городских котелен,
Где их – озябших – ждут тепло и сушь, –
А тайным списком постоянных душ,
Еще живущих в человеческом теле...

Чем ночь черней, тем четче и ясней,
Закрыв глаза, я слышу в полусне,
Как шепчутся в душе чужие души,
Огонь разводят и одежду сушат,
Подбрасывают хворосту в костер
И травяной заваривают сбор,
Чтоб не уснуть, – покрепче и погуще...
И долго-долго мне на сон грядущий
Несут, несут
 свой несусветный
 вздор...

2008

Из цикла «Ржавый желоб»

* * *

Чем глубже тишина, тем явственнее желоб,
тем горше смысл его обид и жалоб:
и осень нынче выдалась тяжелой,
и эта жизнь его вконец дожала,
и сыт он непогодами по горло,
осталась капля, чтоб дойти до точки...

А там, внизу, дойдя до края бочки,
стоит вода, не двигаясь, покорно,
и вверх глядит зелеными зрачками:
вот-вот он каплю выронит, как камень,
вот-вот он снова сделает ей больно!..

2004

Из цикла «Морской бог»

* * *

...Небо вскинет брови чаек
И в упор не замечает
Взглядов моря...

Может, дело в старой ссоре,
Может, небо просто слепо
(Море в нем души не чаёт),
Может, тем же отвечает,
Но скрывает.
Ну, а чайки –
Эти вскинутые бровки –
лишь уловки?

2010

Юность

Зажжены все лампы в доме,
на диване – Вальтер Скотт.
Дом мурлычит, дом в истоме,
кажется, что дом вот-вот
весь потянется, как кот...

Блюз звучит не слишком громко,
в самый раз... чтоб, не спеша,
поблуждать по тем потемкам,
где в тиши – глухой и емкой –
невидимкой, незнакомкой
крепко спит твоя душа...

И не знать, что этот вечер
кем-то крестиком помечен,
и не знать, что кто-то втайне
все заранее решил...
Прежде чем назад вернуться,
ненароком оглянуться...
и в отсеке – самом дальнем –
в тех потемках, в той глуши
уловить вдруг очертанье
пробудившейся души.

2008

В Медоне

...Но как обрести благодать?
Какие нести дары ей?
Марфой ли хлопотать,
Гласу внимать ли Марией?

Не век ведь с собой на ножах:
Дар свой блюда и пестуй!
А как на одних дрожжах
Всходить и словам, и тесту?..

Вот стих подоспел, – пиши!
Пометь его годом, датой...
Но разве он сможет жить,
В чаду зачатый?

Он выжил, он дышит...
А дом?
Ведь заменить тебя некем...
Оставленный – на потом,
Стих умирает... Навеки...

1989

* * *

...Ты помнишь, как тогда, –
Еще не зная неба,
Попав на Пятое,
Где ты ни разу не был, –
Ты вдруг решил:
Оно всему предел!
Поверив первым же,
Почти случайным звукам,
Ты лестницу витую проглядел,
Ты время проморгал,
Ты свой удел профукал...

А мог быть и повыше твой шесток, –
Ведь в этот самый час
Давали на Шестом
Прелюдии и фуги...

2007

Дымок

Протанцевал чечетку с огоньком,
Затем морским прогарцевал коньком,
Немного постоял, подумал малость,
Решил, что надо бить на жалость, –
Стал лебедем, отбившимся от стаи,
И перегнул,
Чуть было не растаял, –
Но сразу понял: что-то тут не так,
И медленно собрал себя в кулак.
И стал он на мгновенье не дымком,
А ядовитым, маленьким грибком,
Точь-в-точь, как тот – с урановым подолом, –
И над золой завис, как над атоллom...

Дымок или Дамокл?!

И все ж конец был добрым
И словно бы заранее решенным –
Дымок вдруг обзавелся капюшоном
И в воздухе застыл очковой коброй,
Та – в свой черед – прикинулась веревкой,
И в тот же миг по ней легко и ловко
Факир (невидимый) взобрался до небес –
Хлопок, другой... и наш дымок

исчез...

И стало в воздухе
Морознее и тише.
Мы ждали.
Зря...
Он на поклон
Не вышел.

2008

Листья

То вдоль канавы пробегали стайкой,
То исполняли медленные танцы,
Когда же ветер их стегал нагайкой,
Бежали, как разбитые повстанцы...

Ко мне стучались... Видимо, хотели
О чем-то рассказать... предостеречь...
И так уютно было мне в постели
Сквозь сон вникать в их сбивчивую речь...

1990

Подсолнух

– Немая сцена из Эсхила?
– Из чеховской скорее драмы...
В саду, за изгородью хилой,
В саду с осенними дарами,
В траве, усохшей и тернистой,
Подсолнух, черный и зернистый
(По целой пригоршне на брата!),
Стоит, как солнце при затменье
Или часы без циферблата
В людьми покинутом именье.
Стоит и смотрит.
Без боязни.
Моля о милости...
о казни...

Коджори, 2009

Из цикла “Детство”

Коджорский лес

– Если тропы́ не найдешь покороче,
И если во мне ты заблудишься к ночи,
И станут заманивать, злить и морочить
Игрою в ловитки, гляделки и жмурки
То красные свитки, то черные бурки,
И если вблизи от тебя отрешенно
Пройдет прокаженный в плаще с капюшоном,
А деревенский умалишенный
Коснется ладонью, холодной и липкой,
И огорошит беззубой улыбкой,
А в полночь почудится шелест змеи, –
Не бойся, не вздрагивай, – это с в о и...

– А где же чужие?
– Придут... непременно...
И будут пугать... но немного иначе –
Не с полной отдачей...
Не так вдохновенно...

2008

Домовой

*Весь как птичка-невеличка,
Но при этом, по привычке,
На меня он смотрит снизу
Свысока...*

*Он когда-то был не промах,
Жил в конюшнях, как в хоромах,
И ночами путал гривы
Рысакам...*

Вылезает из-под пола,
Словно мышь,
Тихо шепчет мне: “Паола,
Ты не спишь?..”

Я опять прикинусь спящей,
Он опять полезет в ящик, –
И пусть делает, что хочет, –
Правит, чиркает, хохочет...
Я тетрадь не отниму,
Шума я не подниму, –
Я ведь знаю, как тут страшно...
Одному...

2008

К крепости Кёр-Оглы

*Об этом говорили горы,
И в городе шли разговоры...*

А нам казалось: “Чушь! Нелепость!
Ну, как такое может сбыться?..”
Сбылось. Всю ночь кричали птицы
О том, что умер старый эпос
(Не то в корчме, не то в больнице),
Забрав с собой все небылицы,
Все флаги, битвы и потехи...
И ветер в тот же вечер, Крепость,
С тебя сорвал его доспехи...

...А что касается абрека,
Который три минувших века
В тебе спасался от ареста,
То он злодей... но странной масти –
Не ждет вестей, не жаждет мести.
Неопалимое асбеста,
Он здесь почти что гений места,
Его уже не ищут власти...

Ты отпусти его, пусть выйдет
И в небо разрядит обойму.
Он никогда не будет пойман, –
Его уже никто не видит,
Никто не помнит...

Минуя почту и аптеку,
Одетый, как старинный воин,
Он побредет – не в рай... не в Мекку,
А, как положено абреку,
В наш старый лес...
Еще живой он...

Коджори, 2009

Тифлису

Сегодня солнце прямо с крыш
Ведет огонь по окнам,
И город снова ржав и рыж,
Местами даже огнен,
Сегодня весь он по тебе –
Осеннему – подогнан.

И если сам ты где-то здесь,
Подай мне знак – ковры развесь,
Трамваем ранним проскрипи,
Пошарь, поройся, поскреби
По чердакам, по стокам
И подмигни: тут что-то есть...
А, значит, ты не вышел – весь...
Она еще жива, та смесь –
Европы и Востока!..

Еще остались с той поры
До дыр протертые ковры, –
За чем же дело стало?!
Сорвись – под занавес – с горы,
Придумай что-нибудь, соври,
И вместе с осенью гори –
До полного финала!

2007

На Пасху

Неужто вправду убыстрилось Время?
За год почти не пожелтела верба –
Ее живой я бросила в костер...
Но если так продолжится и впредь,
То, может быть, когда-нибудь... в грядущем
Наступит век длиной в одну неделю,
Всего одну, но долгую – Страстную,
А век последний будет длиться день –
Один лишь день, но весь в цвету, весенний...
Всего один. Последний. Воскресенье...

2010

Элегия

Все они там...
Все равны и безгрешны –
И тот, кто по жизни прошелся неспешно,
И тот, кто пронесся в веселии бурном,
И тот, кто свой срок, как чечетку, отцокал, –
Все они там, где из мраморной урны
Саван веками стекает на цоколь...
Ни света не видят,
Ни сны им не снятся,
Равны... недвижимы...
Но все же разнятся...
И тот, кто ушел до паденья режима,
По-прежнему верит, что он нерушимый...

2008

Хронос

Я даже знаю, где его привал...
Я даже знаю, сколько он заначил
И сколько утаил, а говоря иначе,
У прошлого (себя же!) своровал...

Чтобы остатками иного бытия
Подкармливать –
Таких, как ты и я...

Бери, мой друг, и нечего краснеть, –
Без спросу шарить по его карманам
Разрешено сладостям и гурманам.
Да и кому нужна вся эта снедь –
Кусочки вечности... веков и дней обрезки?..
По правде говоря, их и делить-то не с кем...

Их надо смаковать, любовно и подолгу...
Становится тепло... теплее... горячо!
Вокруг все та же жизнь, а ты в ней ни при чем,
Ты где-то за углом болтаешь без умолку,
И в мыслях нет: домой не опоздать!
Там хорошо, там всё тебе под стать,
Там жизнь легка,
Там смерти ждут...
как елку.

2009

Другой наук

Разыграл нас трюком ложным
И осекся, как на лонже,
И, качаясь на пределе,
Над столешницей из ели,
Нас оглядывает: «Съели?!»

И с чего он камнем вниз
Вдруг сорвался и повис
Обреченно, одиноко,
То качаясь, то кружась,
И, как будто сквозь моноклю,
Смотрит в каждого из нас?..

За столом сидим мы молча,
Для него мы стая волчья,
Мы, как нети, мы, как черти,
Мы, как тройка из чека
В адском свете ночника...

И он знает, что рискует,
И, при этом, что-то чертит,
Что-то в воздухе рисует,
Как на аспидной доске, –
Не в испуге, не в тоске,
А с азартом... увлеченно...
Не простой паук, – ученый,
И с большим, как видно, весом,
Даже, может быть, профессор
Нам неведомых наук...

Ведь недаром же под сводом
Весь вперед подался класс –
То с него не сводит глаз...
То на нас их переводит...

2009

* * *

Их пересуды о былом...
их шепотки и толки...
Сегодня ночью о твоём
они шептались долге.

Войдут, печальны и строги,
а за душою – ни строки
в ответ на взгляд их колкий...

Их в этот раз уже не счесть...
Душа!.. Отдай им все, что есть –
там... на последней полке...

2004

Варианты ухода

1

Земля. Земля – огромная людская –
Весь этот срок, весь этот долгий срок
Учила нас – ни шагу за порог!
И вдруг сама же отключила ток
И распахнула двери – отпуская –
Простив долги и годовой оброк,
Не пригрозив ни карами, ни адом,
Не загрузив ни скарбом, ни виной, –
И мы легко шагнули в мир иной,
И он нас ждал –
За каменной оградой...

И мы пошли...

Все было, как на ней –
Как на Земле – ни ярче, ни бледней,
И было нам – ни холодно, ни жарко...
Но так казалось только до поры,
Пока не добрались мы до горы,
Где у подножия
Рождественским подарком
Светился город, собранный из дней
(Верней, из их обломков),
Из камней
(Оставшихся от мостовых булыжных),
Из ласточкиных гнезд,
Из уличных огней,

Из окон – выбитых,
Из старых тумб афишных,
Из сгинувших домов,
Из сострадания к ближним,
Из вырванных деревьев... из корней,
Ну, словом, из всего, что было лишним,
А мир иной сберег...
Сберег для нас –
Теней...

2

Мы это сделали! До срока...
Беспечно, весело, с азартом, –
Так школьники бегут с урока,
Чтоб отвязаться от оброка
Уроков, заданных на завтра...
И пусть Земля на нас в обиде, –
Земля! Да кто она такая?!
Лишь флигелек, битком набитый,
Битком набитая людская...
А мир иной, он так огромен!
Конца не видно,
Даже с крыши...
Какие войны и погромы!
Тут ты и грома не услышишь...

Господский дом... он где-то рядом...
На нем должна быть цифра “восемь”...
Ты думаешь, нам будут рады?
Да и о чем мы их попросим?

Щербатый шар к себе придвинув лапой...
Поднялся ветер... На Сухом мосту,
Одной рукой придерживая шляпу,
Промчался человек в распахнутом пальто...
Все сходится... но что-то тут не то...
Когда в последний раз он уходил из дому,
Он был одет иначе... по-другому...
Но что тут странного?
На то и мир – иной!
Здесь молодыми восстают из праха...
Узнать бы лучше, – кто там, за стеной,
Покончив с Черни, принялся за Баха?
А ветер стих... а мы всего на пядь
Приблизились к заоблачным чертогам,
А рядом – в сквере – девушка опять
(В который раз!) в одно мгновенье ока
Наполнила сифон лимонным соком.
Но кто она?
Одна из данаид?
И что там – за углом, –
Тупик или лакуна?
Пробел? Провал? Безмолвие? Аид?
Все это от лукавого... от Куна...
От чтения с кусочком шоколада...
Нас отпустив, нам не грозили адом!
И все-таки хотелось бы понять,
Откуда тут – в раю – два бронзовых грифона?
(А рядом – в сквере – девушка опять...)
И почему тифлисские грифоны
Стоят в раю на том же старом фоне –
Лицом к лицу, а к набережной боком
И цвет их тот же – медный купорос?..

Дым из трубы фабричной, как вопрос...
Большой вопрос...
А эти водостоки –
Замшелые от сырости и слез, –
Причем они?!.. И этот чахлый плющ,
Бегущий по стене, как выводок рептилий!
И этот призрак городских идиллий –
Сад с корольками, слепок райских куц...
И этот взгляд в окне...
Он вездесущ...
Бежим... Бежим!
И здесь нас засветили!!!

4

Не надо так кричать, я всё прекрасно слышу,
И незачем гадать – какая дверь
Нас заведет в подвал или на крышу?
Когда нас заметут – потом или теперь?
В какую из облав? В какое время года?
Мой дорогой! Тебя пьянит свобода...
Ах, где бы нам найти настой из свежих трав!..
А может, вправду им нужна лишь подпись?..
И нас уже зовут...
Приди в себя, не горбись...
Сегодня ты на редкость свеж и брав!
Дай, галстук подтяну...
А шляпу сам поправь...

5

...А ветер долго будет выть в трубе
И попрекать нас кровом и уютом,
Винить за то, что на морозе лютом

Не мы плетемся по лесной тропе,
И снежная лавина погребла
Не грешных – нас, а путников из Энска,
И где-то в захолустье деревенском
Годами нет ни света, ни тепла...

Прикинувшись то дедом, то отцом,
Он голосом с приятной хрипотцой
Нам пропоет о брошенном малютке.
И загрустит...
И пропадет...
На сутки...

Он и не ведает, как нужен он, как важен,
Здесь он один такой,
Здесь он один – живой,
И без его полночных репортажей
(Особенно, когда он зол и в раже)
Нам был бы скучен этот мир иной...
Он загудит и все переиначит,
И мы смеемся, радуемся, плачем...
Порой и впрямь становится неловко
За то, что нам – двум беглым полукровкам –
Так хорошо под нашим новым кровом,
За то, что мы одни, за то, что мы вольны,
За то, что потолок – весь в отсвете багровом,
И нет за нами никакой вины...
Кроме одной: он так горяч, так пылок –
Огонь в печи...
А ночь и впрямь нежна,
И вьюга там – в трубе – уже едва слышна...
И елкой пахнут отруби опилок...

6

Ветер

К утру он устает...
К утру он – тихий... слабый...
Ему все лень.
И так почти весь день...
Он не стучит в окно еловой лапой,
С прохожих не срывает шляпы –
А лишь слегка сбивает
Набекрень...

А ночью он опять
Погромщик и трибун –
В трубу печную он гудит, как в рупор,
И громко посылает на три бу...
Весь этот мир
За блажь, за чушь, за ступор...
Но иногда (быть может, раз в столетье)
Он вдруг стоверстной разовьется плетью
И засвистит, защелкает так лихо,
Что мир иной – безропотный и тихий –
Такой уже привычный мир иной,
Немного сдвинется...

на чуточку...

на йоту,

А мир земной – безумный и большой,
Молчавший за стеной все эти годы,
Вдруг встрепенется и начнет сквозь щель
Забрасывать нам что-то из вещей...
Из тех, что не успел,
Из тех, что не сумел он

Закинуть в прошлый раз...
А вперемежку с ними –
И уйму мелочей,
Таких, как этот снимок,
И чей-то ключ, давно уже ничей,
Как эта тряпочка, испачканная мелом,
И прочая, не нужная нам мелочь...

И каждый раз мы видим сквозь просвет
Тот мир, тот свет, где нас давно уж нет...
И очередь в кино,
И ржавый сад с эстрадой,
И море синее за белой колоннадой,
А где-то, вдалеке, вдруг хором грянут песнь, –
И хочется туда –
В безумие... в болезнь!

2008

С о д е р ж а н и е

Старый подъезд	5
Варианты Осени	6
***Даже те, что мне достались	12
Тутанхамон	14
Театр	16
Городу	18
***Кто-то в разгар поминального пира	20

Из цикла “На книжных развалах”

***Думают: если вдруг быть беде	21
---------------------------------------	----

Из цикла “Город в городе”

***Тот душистый, тот вечерний	22
***А ведь, бывало, только свистни	23
***Загонит скука, и тоска заест	24
***На суденышке, на утлом	25
Лишняя строка	27
Верийский базар	28
Паук	29

Из цикла «Финалы»

***Все ясней и ближе дали	30
***Чуши отъявленной не городите	30
***Что за крики за оградой?	30
***То вдруг – реверс	31
***Ах, как быстро расходится осень	31
***Заранее открою тебе карты	31
***Слезу незваную утри	32
***Придут и всё тут поменяют	32
***Перед домом дерево срубили	32

***Я на койке? Я в постели?	32
***Чтобы тоска жила века	33
***Все это очень хорошо	33

***Человек отошел на тот свет	34
***Лесная птица! В городе... Откуда?	35
***Когда одна бродячая душа	36

Из цикла «Ржавый желоб»

***Чем глубже тишина, тем явственнее желоб	37
--	----

Из цикла «Морской бог»

***Небо вскинет брови чаек	38
----------------------------------	----

Юность	39
В Медоне	40
***Ты помнишь, как тогда	41
Дымок	42
Листья	44
Подсолнух	45

Из цикла «Детство»

Коджорский лес	46
----------------------	----

Домовой	47
К крепости Кёр-Оглы	48
Тифлису	50
На Пасху	51
Элегия	52
Хронос	53
Другой паук	54
***Их пересуды о былом	56
Варианты ухода	57

ПАОЛА УРУШАДЗЕ

СЫГРАЕМ, ОСЕНЬ...

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор
М.Бирюкова

Оформление и компьютерная верстка
Ирины Элиозовой

Тбилиси – 2011